

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

АГНЕТА ПЛЕЙЕЛЬ

НАБЛЮДАЮЩИЙ
ВЕТЕР, ИЛИ ЖИЗНЬ
ХУДОЖНИКА АБЕЛЯ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44
П38

Agneta Pleijel

VINDSPEJARE

Copyright © 1987 by Agneta Pleijel
All rights reserved. First published by Norstedts, Sweden,
in 1987. Published by agreement with Norstedts Agency.

Перевод со шведского и предисловие *О. Боченковой*

Художественное оформление *А. Старикова*

Фото на 4-й стороне обложки: © Leif Jansson /
SCANPIX / Fotodom.ru

Плейель, Агнета.

П38 Наблюдающий ветер, или Жизнь художника Абеля / Агнета Плейель ; [пер. со швед. О. Б. Боченковой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-78562-9

Агнета Плейель — известная фигура в культурной жизни Скандинавии: автор пьес и романов, поэт, лауреат литературных премий, профессор драматургии, литкритик, журналист. Ее книги переведены на 20 языков. Одна из пьес Плейель, «У реки», была поставлена в Московском театре «Практика» — спектакль назывался «Ниагара».

«Наблюдающий ветер, или Жизнь художника Абеля» — дебютный роман Агнеты Плейель. «Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать». Эти слова из Ветхого Завета — ключ к пониманию этой удивительной, полной тонких метафор и аллюзий книги.

Художник Абель, как и всякий творец, пытается остановить время, зафиксировать мгновение, когда рождается замысел, когда тишина заполняется звуком, а на пустом холсте появляется изображение. И, как всякий творец, он всю жизнь ищет любовь, потому что она и есть главная загадка жизни.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

© Боченкова О., перевод на русский язык, предисловие, 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78562-9

Предисловие

«Само бытие — внутренняя тяжесть долженствования судьбы, тогда как дао невесомо мандатом неба».

*Дмитрий Замятин. В сердце воздуха.
В поисках сокровенных пространств.
(издательство Ивана Лимбаха, СПб, 2011)*

В молодости художник Абель принял решение, раз и навсегда изменившее его жизнь: бросил любимое дело, родину, невесту, родителей и уплыл в далекую тропическую страну на заработки. Там он был управляющим на кофейных плантациях и клерком в конторе, разорился и богател, падал и поднимался. В результате — на долгие годы оставил живопись и как художник не снискал ни признания, ни славы. А состояние, добытое столь высокой ценой, потерял под старость, не оставив детям наследства.

Чем было путешествие художника Абея, если не нелепицей?

Здесь, однако, все зависит от того, как повернуть алмаз (вспомним «Синюю птицу» Метерлинка). И Агнета Плейель — шведская писательница с индонезийскими корнями — поворачивает свой алмаз то одной, то другой стороной, обнаруживая разные стороны смысла открывающейся глазам читателя картины. Библия и Ницше, индонезийская мифология и Октавио Пас, история семьи

художника Абеля и история человечества — вот лишь некоторые из его граней.

Прежде всего, что значит «принять решение»? Принять можно что-то (или кого-то), пришедшее извне, открыть перед ним двери, впустить в свою жизнь.

Именно так и поступил Абель. В роковом «решении», пришедшем ему неожиданно, он распознал голос свыше и потому, каким бы абсурдным это решение порой не казалось, следовал ему до конца. Его упорство напоминает о библейском Аврааме, который, по велению Господа, «пошел из земли своей, от родства своего и дома отца своего».

И Абель, конечно, всегда помнил об Аврааме, но дело здесь вовсе не в безоговорочном послушании. Решив идти до конца, герой Агнеты Плейель прежде всего стремился дойти до сути брошенного ему вызова и всю жизнь пытался ее нащупать, — средствами ли своего искусства, обращаясь к Библии или любимой книге Ницше. Тем самым он осознанно дистанцировался от собственной судьбы и занял позицию ее исследователя, наблюдателя.

«Откажись от плодов» — так на поле Курукшетра Кришна учил упомянутого в романе принца Арджуну. Абель и не думал от них отказываться. И действовал, и жертвовал искусством он как будто именно ради «плодов». Однако сама позиция наблюдателя уже предполагала вторичность этого мотива, то есть содержала в себе отказ и

предопределяла неудачный конец предпринимательской карьеры.

Потому как сказано: «Кто наблюдает ветер, тому не сеять, и кто смотрит на облака, тому не жать» (Екк. 11:4).

Здесь я возьму на себя смелость обозначить еще одну грань алмаза Агнеты Плейель, не упомянутую в романе напрямую, а именно буддистскую идею «срединного пути», — соединяющего в себе небесное и земное, временное и вечное, видимое и невидимое, — и близкую ей идею китайского дао.

Разве не ими — пусть неосознанно — руководствовался художник Абель, когда, не питая амбиций стать выше земной жизни и своих повседневных обязанностей, искал и в том, и в другом высший смысл?

Нашел он его или нет — его личный, неотчуждаемый, опыт. Однако факт в том, что благодаря этим поискам само содержание его жизни изменилось. В них герой Агнеты Плейель обрел и любовь, и красоту, и внутреннюю целостность, и подлинную свободу.

*Ольга Боченкова,
переводчик этой книги*

Глава I

Мое первое детское воспоминание, если только оно не надумано позже, — дедушкины лошади Брюнте и Фюксен¹. Вот они стоят, положив морды поверх калитки в каменном заборе, за которым кончаются сараи и начинается лес. И я, маленькая девочка в желтом, как будто хлопковом платье, смотрю им в глаза. Мне страшно.

Я решила писать каждое утро хотя бы по несколько фраз, прежде чем начну свой обычный день. «Август. И вода под окном волнуется синяя-синяя». Все, на сегодня хватит.

День второй. Однажды у нас на кухне появилась худая женщина, финка. Она была почти глухая и умела читать по губам. Когда она узнала, что моя юная тетя позволяет мне курить турецкие сигареты со стамбульским клеймом на пачке, решила составить компанию и предложила попробовать «Кэмел» возле посудного столика.

Но «Кэмел» оказался для меня слишком крепким, и я закашлялась. Кухарка огорчилась.

¹ Брюнте (*шведск.* Brunte) — гнедой, Фюксен (*шведск.* Fuxen) — рыжий (о лошадиной масти).

Тогда мне шел десятый год, и воспоминания об этой женщине навсегда остались для меня пронизанными грустью. Кто она была и почему так стремилась втереться ко мне в доверие?

День третий. Бабушка и дедушка почти каждое лето нанимали кого-нибудь на кухню. Несколько лет подряд у нас работали женщины с острова Ява с плоскими носами и блестящими черными волосами. Они готовили рис и бами горенг¹. Должно быть, они были дешевой рабочей силой, эти стряпухи, покинувшие Индонезию после освобождения от власти голландских колонизаторов. Они прибыли к нам из Голландии. Зачем? Возможно, их наняли из-за наших голландских родственников. Но какое они имели к ним отношение, я не знаю.

Одно несомненно: яванки внесли в нашу жизнь на побережье озера Меларен, что в самом сердце Швеции, нотку экзотики. Они готовили индонезийскую еду, наси горенг и сате айям, для наших голландцев, которые после работы в саду каждый вечер возвращались домой под звуки висевшего на террасе медного колокольчика. Когда-то этот колокольчик украшал шею быка из Сурабаи, а теперь судьба занесла его в Эльхольмсвик, что в нескольких милях к югу от Энчёпинга. Интересно, что стало с ним после? На сегодня все.

¹ Ба ми горенг — мясное блюдо индонезийской кухни.

Тетя Лейда, жена брата моей бабушки дяди Леонарда, брала меня за руку и вела в лес собирать растения для гербария. Она была очень высокая, ее грудь свободно колыхалась под блузой, а накрахмаленная нижняя юбка хрустела при малейшем движении. Тетя шлепала стоптанными спортивными туфлями мужского размера и непременно брала с собой садовую лопату.

Я воспринимала эти ботанические прогулки как обязательные уроки. В то же время мне льстило, что тетя Лейда придает такое большое значение моему заданию на лето. Полагаю, она относилась к нему даже серьезнее, чем моя учительница из Хёкаренгена.

Однако случалось, что рвение тети Лейды порядком меня донимало. Она не успокаивалась, прежде чем двадцать пять или даже пятьдесят растений не были собраны в папку, описаны, определены, высушены и, наконец, наклеены на бумагу. В то лето я выучила их родовые и видовые названия по Линнею. Несчастные веточки помещали под цветочный пресс. Мне запомнился приятный хруст гофрокартона.

Ко всему прочему, тетя Лейда пичкала меня голландской грамматикой.

У нее были замечательные карие глаза, большие и теплые, с одинаковой легкостью наполнявшиеся смехом и слезами, и крупный выразительный рот. Брат моей бабушки женился на тете Лейде вторым браком, слишком поздним, чтобы иметь детей. Сейчас оба они мертвы, но я до сих

пор не забыла глаза тети Лейды. Это первое, что приходит мне на память при мысли о ней.

Ее муж, брат моей бабушки, часто стоял на мостике и удил в озере рыбу. Огромные штаны, очевидно, позаимствованные у моего дедушки, сидели на нем мешком, доставая почти до подмышек, и держались на подтяжках. Оставалось только удивляться, что в свое время тетя Лейда нашла в этом невзрачном старичке.

Ответ на этот вопрос, возможно, давала фотография, хранившаяся в одном из семейных альбомов. На ней муж тети Лейды был снят в костюме охотника из джунглей — в белой куртке и такого же цвета брюках. Окруженный толпой туземцев, дядя Леонард гордо смотрел в камеру, поставив ногу на голову поверженного льва и опираясь рукой на воткнутое в землю ружье. На снимке дядя выглядел стильным и красивым мужчиной. Не исключено, что тете Лейде пришлось даже побороться за него с его первой женой.

Как знать? Когда я познакомилась с этой парой, их жизнь почти прошла. Дядя Леонард ловил окуней в тихой воде озера Меларен, а вечерами озадаченно встряхивал барометр. В саду от него, вероятно, проку было не много.

Голландские родственники гостили у нас каждый год. Они прибывали пароходом «Эна I» или «Эна II», на который поднимались в Стокгольме на причале набережной Мэрии. Все они были из Голландской Ост-Индии, которая сейчас называется Индонезией. Я помню, как они

гуськом спускались по сходням к пароходному пирсу Эльхольмсвика. С огромными чемоданами в руках, увешенные многочисленными свертками с пряностями и выпечкой, они сразу оказывались в центре внимания толпившейся на пристани публики. Занесенные в Гаагу или Амстердам вихрем безжалостной истории, прошедшие даже японские лагеря для военнопленных, наши родственники чувствовали себя в Европе чужаками и с трудом сводили концы с концами.

Моему дедушке были нужны помощники для работы в огромном саду, который он разбил еще в двадцатые годы, сразу после своего возвращения в Швецию, — гравенштайн, экеро, сингне тиллиш, райне клауде¹... Из года в год наши голландцы принимали его приглашения: снимали плоды, собирали падалицу и были благодарны дедушке за оплаченные в оба конца билеты, бесплатный стол и крышу над головой. Ближе к осени они возвращались на континент, а оставшийся урожай догнивал на земле — в пятидесятые годы в Швеции наблюдался дефицит рабочей силы.

Их было много: тетя Анни, тетя Марике, тетя Нилтье и дядя Ян. Над большим обеденным столом на ножках в форме львиных лап витали пряные запахи, слышались обрывки голландских и малайзийских фраз. За шутками и неспешными разговорами трапезы затягивались допоздна.

¹ Сорта яблок.

Особенно мне запомнилась тетя Труус. Это она подарила мне змейку, кусающую себя за хвост, — магический серебряный браслет. Маленькая, с высоко поднятыми седыми волосами, тетя Труус походила на колдунью. Мне, десятилетней девочке, пришлось впору ее ботинки, которые она давала мне поносить и которые смотрелись на мне весьма элегантно. Тетя Труус говорила без умолку, брызжа слюной. Она имела привычку кутаться в шали с роскошной бахромой из мерцающего шелка. Много сверкающих нитей осталось висеть на ветвях сливы, пока тетя Труус прореживала недозрелые плоды серебряными ножницами для рукоделия. В Голландии тетя Труус жила вместе с тетей Марике в уютном домике, пропахшем ванилью и корицей, где яблоку негде было упасть от резных идиолов, салфеток из батика, сверкающих мечей и китайских ваз. Она принадлежала к числу тех немногих голландских родственников, которых мама, морща лоб над переносицей, называла по-французски *rig sang*¹. Тетя Труус была женой дедушки Оскара, брата отца моей мамы. Когда-то у них был ребенок, сын. Он умер двух лет от роду или даже годовалым и покоился на кладбище где-то в Сурабаи. После его смерти тетя Труус больше не хотела иметь детей. Ее мужа я никогда не видела. Задолго до моего рождения дядю Оскара свела в могилу мучительная болезнь, название которой я узнала много позже, — сифилис.

¹ Чистокровный (*фр.*).

Сам дедушка никогда не принимал участия в сборе урожая. С него было довольно и того, что он заложил этот сад. Это событие произошло сразу после его возвращения из тропиков, где он провел без малого тридцать лет.

Бабушка любила рассказывать, как однажды в самом начале весны дедушка оставил ее одну в чужом холодном доме и ушел куда-то на лыжах с рюкзаком за плечами. Через некоторое время он вернулся и привез с собой множество саженцев, которые высадил в землю безукоризненно ровными рядами, должно быть, по образцу кофейных плантаций, на которых работал в молодости. Потом доставил следующую партию, а потом еще и еще.

Бабушка умоляла его опомниться, но дедушка не желал ничего слышать. Он делал рейс за рейсом — сначала на лыжах, а потом, когда стаял снег, без них. Так получился огромный фруктовый сад, истинные размеры которого выявились, лишь когда на деревьях появились плоды. Гордый своим детищем, дедушка стал называть себя консулом. Ну а бабушка, естественно, стала консульшей.

Помню как сейчас: стоит наша «консульша», разгоряченная работой на клубничных грядках, перед тачкой, наполненной свежесобранными ягодами, и с корзинкой на ремне через плечо. Лицо покраснелось и лоснится от пота, а шляпа на резиновых шнурках висит за спиной. Бабушка добавляет в литровую меру горсть отборных ягод, как вдруг над полем проносится крик: «Эна! Эна

показалась в Хэрьярё!» — и бабушка спешит на пристань.

Скоро «Эна I» или «Эна II» отчалит из Хэрьярё, и тогда действительно придется поторопиться. Столичные покупатели достойны самой лучшей клубники. Я уже представляю себе крупные, блестящие ягоды из Эльхольмсвика где-нибудь на Сенной площади в Стокгольме, где ими торгует одна старушка, которая постоянно берет товар у бабушки с дедушкой. Бабушка немного жульничает, выкладывая сверху самые красивые экземпляры.

И вот тележки катятся вниз, к пароходному пирсу. Бабушка со своей корзинкой за плечами вприпрыжку скачет за дядей Крантцем, толкающим перед собой тачку. Рядом голландские родственники, тоже с тележками. Они утирают пот и прислушиваются в ожидании сигнала медного колокольчика. «Эна» пристаёт и скоро снова отчаливает, держа курс через залив Бьёркефьорден. Бабушка садится на камень у причального мостика и обмахивается шляпой. А потом наконец звенит медный колокольчик, приглашая обитателей Эльхольмсвика на чашечку риса и самбаль оэлек, и голландские родственники в конических соломенных шляпах спешат домой.

Дедушка во всем этом не участвует, он занят другим. Он изобрел машину для сбора камней и теперь дни напролет пропадает с ней в лесу. Он грузит валуны на подводку, запряженную Брюнте или Фюксемом, и свозит их в одно место. Когда